

НАВСЕГДА ОСТАВЛЮ В ПРОШЛОМ

СТЕЛЛА АЛЕКСАНДРОВА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Стелла Александрова

Навсегда оставлю в прошлом

«Автор»

2019

Александрова С.

Навсегда оставляю в прошлом / С. Александрова — «Автор»,
2019

Георгий, добившись материального благополучия, не имеет личного счастья. И не надеется. Марина хотела иметь семью, чтобы быть защищенной. Но оказалось, семья и надежность не являются синонимами. Тогда она решила полагаться только на себя. В поисках счастья Георгий сталкивается с Мариной, ищущей независимость. Содержит нецензурную брань.

© Александрова С., 2019

© Автор, 2019

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	15
Глава 3	19
Глава 4	25
Глава 5	29
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Стелла Александрова

Навсегда оставлю в прошлом

Глава 1

«Тоска, – пришло первое на ум Георгию, когда он открыл глаза на прозвучавший истошно трель будильника. Он мог еще добавить, глубокая зеленая тоска. Это точнее характеризовало состояние его души, длившееся уже несколько недель, и ничто не могло вытравить ее из него.

Она навалилась внезапно и не в то время, когда он был в одиночестве дома и выслушивал нежеланный ответ бывшей жены, а посреди толпы и веселья. На сцене заливался Сергей Минаев бодрой энергичной песней «Братец Луи», призывая пуститься в пляс. Под столом, заставленным деликатесами и дорогими блюдами, об ногу терлась женская ножка, которая должна была вызвать в нем сексуальные желания. Но почему-то ничего из предложенного в душе Георгия не вызывало заинтересованного отклика. Все было наоборот – скучно и тоскливо, до неимоверной тошноты.

«Сука!!! – вырвалось в его душе безмолвное восклицание и неизвестно, сколько бы он еще костерил бывшую жену, если бы не звонок сотового телефона.

– Георгий Георгиевич, я подъехал, – доложил его водитель.

– Через пятнадцать минут выйду, – отбросив терзавшие его эмоции, сухо ответил Георгий.

С выработанным за годы автоматизмом, он принял душ, надел костюм, как униформу, на ходу выпил чашку кофе и, выходя из квартиры, бросил взгляд в зеркало шкафа-купе. В нем было отражение того же человека, что год назад, что вчера. Та же трехдневная темная щетина на лице, костюм известного бренда, итальянская обувь ручной работы. Завершали ансамбль модная верхняя одежда и портфель из натуральной кожи в руке. Но схожесть эта была только во внешности. Выражение глаз разительно отличалось от взгляда того Георгия, заявившего, что пришло время претворять в жизнь вторую часть его жизненного плана.

Но удача от него почему-то отвернулась. От понимания, что он все же не настолько непробиваем, как казалось, Георгий послал горькую усмешку своему отражению и вышел из квартиры.

По дороге в офис холдинга «МукКон», он снова предался размышлениям о своей судьбе и в итоге впал еще в более мрачное расположение духа. Угрюмое выражение его лица дало ему возможность быстро пройти до своего кабинета, отвечая лишь на приветствия сотрудников. Но за пару метров до него, Георгий все же был остановлен раздавшимся за спиной оживленным приветствием:

– Comment vivez, mon cher ami Georg!? (Как поживаете, мой дорогой друг Георгий? – произнесенный знакомым голосом.

Георгий обернулся. Перед ним стоял, широко улыбаясь, его закадычный приятель, а ныне и партнер по бизнесу Ильфрид Батыршин.

– Salut, monsieur (Привет, господин) Ильфрид! – воскликнул радостно Георгий, и ткнул кулаком ему в плечо, – vous avez fait un bon voyage (С приездом)!

– Je suis content de vous voir (Я рад вас видеть)! – последовал ответный увесистый удар в плечо.

Затем обмен физическими любезностями сменился довольным мужским смехом и крепкими объятиями давно не видевшихся друзей.

– Ну, что к тебе или ко мне? – спросил Ильфрид.

– Мой ближе, – кивнул на дверь своего кабинета Георгий.

– К тебе, так к тебе, – согласился он, – кстати, твоей Галочке я презент привез.

– Она не моя, шут, и чем в этот раз ты попытаешься вызвать у своей Галочки удивление на лице?

– Увидишь, – подмигнул ему Ильфрид, открывая дверь.

Галочка, работавшая главным секретарем-референтом у Георгия, была симпатичной светловолосой девушкой двадцати шести лет. В отличие от анекдотов о безмозглых длинноногих блондинках, она была не меру серьезна, умна и не строила глазки боссу, оголяя ножки. Была у нее только одна слабость – до безумия любила национальные сувениры, и к этому времени у нее набралось их великое множество из разных стран и государств. Хоть музей открывай. Потому удивить ее можно было разве только фигуркой черта лысого, помешивающего кочергой горячую смолу в котле.

Увидев двух главных акционеров холдинга на пороге, Галочка подскочила со стула.

– Здравствуйте, Георгий Георгиевич, – кивнув головой, поприветствовала она своего непосредственного начальника. Но когда перевела взгляд на Батыршина, чтобы поздороваться и с ним лично, то слегка зарделась. – С приездом Ильфрид Закиевич, – произнесла она.

– Здравствуйте, Галина Владимировна, – водрузив на ее стол внушительный кожаный портфель, довольно проговорил он и, щелкнув замками, добавил, – я тебе тут в твою коллекцию одного приятеля привез.

– Ой, зачем Вы так беспокоились, – залепетала со смущением Галина, но в глазах уже горели искорки любопытства.

Его слова заинтриговали даже Георгия, и он с интересом уставился на друга.

Под затаенное дыхание Галочки, Ильфрид воскликнув:

– Опля! – извлек из портфеля картонную коробку яркой расцветки.

Георгий улыбнулся. Батыршин гостил у родителей в Башкирии, совмещая полезное с приятным. Он попутно изучал потребительский рынок республики. «Что такого оригинального можно привезти оттуда? Сырую нефть в бутылке? – размер, как раз соответствовал».

Но спустя мгновение взору присутствующих предстал вырезанный из светлого дерева медведь с бочонком в руке. Надпись на ней гласила – «Башкирский мед».

– Ой, какая прелесть! – восторженно воскликнула Галина. – Такого сувенира мне еще никто не преподносил. А что там и правда мед находится? – разглядывая сувенир, спросила она.

– А это мы сейчас проверим с чаем, – ответил Ильфрид.

– Ой, а Вы не съедите весь мед? – с настоящим беспокойством поинтересовалась девушка.

– Галочка! Если его станет мало, ты пригласи меня, и я бочонок наполню снова, – с улыбкой чеширского кота, заявил даритель.

Геorgию после этих слов захотелось дать приятелю хороший подзатыльник. Нечего старому ловеласу соблазнять его секретаршу. Потому от греха подальше, не стоит из-за женщин ссориться с приятелем, он только слегка толкнул Ильфрида.

– Хватит расшаркиваться, дела ждут. А ты, Галина, организуй нам чай. Мед себе можешь оставить. Настоящий башкирский мед – большая ценность.

– Ну, что, как там наша дорогая Франция? Договор продлен? Сложностей не возникло? – спросил серьезным тоном Ильфрид, после того как удобно устроился в кресле кабинета Георгия.

– Франция на месте. Партнеры рады нас видеть больше, чем мы их. Так что вопрос о кремах, можем закрыть на три года. А если качество не будет соответствовать, то открыть, – усевшись напротив, проговорил с задумчивым видом его друг.

– Не слышу тона удовлетворения в твоей речи.

– Обычная рутина. Сам знаешь, сколько еще договоров на поставку того и другого надо будет заключить под конец года, – отмахнулся Георгий. – Лучше, я тебя послушаю. Как там наш родной край? Родители?

Повторять вопрос дважды, чтобы сменить тему разговора не пришлось. Глаза собеседника заблестели, выражение лица мгновенно преобразилось. Подавшись слегка вперед, он с эмоцией произнес:

– Жора, не нужно никакой заграницы для отдыха, когда есть Башкирия.

– Остынь, отпускник, – улыбнулся Георгий, – по существу давай. Мы можем выйти на его рынок? Какое материальное положение народа? Какой потребительский уровень? Отпускные цены на муку, сахар? Встречался с кем?

– А, завалил, – разочарованно протянул Ильфрид, откинувшись на спинку кресла. – Ладно. Дела, так дела. На рынок Башкортостана мы почти вышли.

– Почти. Ты что там семечками на базаре начал торговать?

– Ага, шутник. Кроме, семечек, тортами, пирожными и хлебом с булками. Я взял на себя риск и прикупил, проходя, один кондитерский цех и один хлебобулочный. Магазины при них имеются, правда, рентабельность сего приобретения почти на нуле. Но иначе, их никто и не выставил бы на продажу. Так, что, поздравляю, партнер. Наш холдинг шагнул и на Урал. Надо отправить дельного сотрудника в Уфу, чтобы эти цеха привел в порядок. Там работы непочатый край. Хозяин выжал из них все, что мог, чтобы играть в казино. Видел бы ты его, ведь был человек, как человек, пока не шагнул за порог чертовой автоматной богадельни.

– Сам не хочешь туда поехать? Все же Родина?

– Э, нет. У меня тут свои личные интересы на этот период имеются.

– Кстати, о личных интересах. Галину, оставь в покое. Мне с ней работать. На стороне на твой вкус девушек и женщин завалишь, – хмурясь, высказался Георгий.

– Ты что-то не в духе. Проблемы, что ли какие навалились, Гер? Нигде нас не зажимают?

– Нет. С этим все в порядке. Все печется, а затем раскупается, – отстраненно ответил он.

– Понял, – с воодушевлением произнес Ильфрид, – ты просто устал. Как насчет того, чтобы оттянуться по поводу моего приезда? Постоянную пассивку еще не завел?

– Я что похож на человека, который готов собственноручно надеть петлю на шею? – усмехнулся Георгий.

– Тогда сегодня в семь вечера встречаемся, забираем девочек на стороне, как ты выражаешься, и будем прожигать жизнь в течение нескольких часов.

– А надо ли? – прозвучал вопрос скептически.

– Надо, Федя, надо! – высказался крылатой фразой из фильма «Операция «Ы» и приключения Шурика» Ильфрид. – Ты совсем забыл о себе из-за работы.

– Заботливый выискался!

За работой Георгий и не заметил, как наступил вечер. Оторвался он от изучения документов, только когда в кабинете прогремел возмущенный голос Ильфрида.

– Эй, ты, чем это до сих пор занимаешься? У нас же был договор на этот час.

Георгий снова хотел отказаться. Желания таскаться по общественным местам не было, но, подумав, что работать до ночи, а затем сидеть дома в одиночку со своими размышлениями – тоже не выход побороть мрачное настроение, согласился. Правда, при этом выражение его лица было таким, будто ему предлагали съесть лимон без сахара, о чем не преминул заметить Ильфрид.

– У тебя вид человека идущего не в кабак, а на казнь! Сделай лицо попроще, не то при виде тебя девчонки тотчас сбегут, – рассмеявшись над своей шуткой, он хлопнул его по плечу, и попросил, – шевелись, приятель, а то шампанское нагреется.

Ресторан, выбранный Ильфридом, был шикарен, девушки недурны, ужин вкусно приготовлен. Но настроения, как не было, так и не появилось. Наоборот, наблюдая за щебетаньем,

улыбками и ужимками спутниц, с каждой минутой становящихся под влиянием шампанского все веселее и развязнее, Георгий мрачнел. Он с видом обреченного человека держал в руке уже третий бокал с вином, размышляя, какого черта Ильфрид заказал эту шипучку, от которой никакого эффекта. Голова, как была ясной, так и оставалась, а Георгию сейчас было нужно забыться от угнетавших его тяжелых мыслей. Он отыскал взглядом официанта.

– Водки! – отрывисто произнес он, как только тот возник возле него и слегка наклонил голову. – Побыстрее!

Девушки, услышав его голос, вздрогнули. Мгновенно замолчали и переключили свое внимание на него. С самого начала вечера они слышали от Георгия лишь несколько слов, произнесенные безразличным тоном, и почувствовали его нежелание общаться с ними. А здесь столько эмоций!

Батыршин обеспокоено взглянул на него.

– Tout est tellement mauvais, mon ami (Все настолько плохо, мой друг) ? – задал он приятелю вопрос. Не стоит других посвящать в проблемы.

Рты девиц приоткрылись.

– Il n'arrive pas plus mal (Хуже не бывает), – горько усмехнулся Георгий. Резко поднялся со стула, – je demande pardon. Je me suis un peu fatigué (Прошу прощения. Я немного устал), – обратился он к девушкам и широкими шагами направился на выход.

– Des lignes prends (Черт возьми)! – пробормотал Ильфрид, глядя в его спину. – Le soir excellent (Отличный вечер)! – с сарказмом добавил он, кривя губы, а появление официанта со злополучной водкой, заставило его еще раз чертыхнуться, но уже на русском языке.

Он взглянул на девушек, не произнесших за это время ни одного слова, чтобы принести извинения. Но, увидев в их глазах блеск, усмехнулся:

– Eh bien, eh bien! Les femmes, la femme (Ну, ну! Женщины, женщины).

Развернувшиеся события его собеседниц отлично развлекли. Так что саркастический выпад насчет вечера оказался правильным.

Понимая, что приятеля в таком состоянии нельзя оставлять одного, Ильфрид заказал еще шампанского и попросил счет. Блеск в глазах девушек тут же потух. Губки надулись.

– Илья! Вечер только начался, – возмутились они.

– Извините, девочки, но я должен срочно уйти. Где бы вы хотели еще сегодня повеселиться? Я вас отвезу.

Девушки обменялись взглядом.

– Мы посидим еще немного здесь. Надеемся, ты нам компенсируешь испорченный вечер.

Не надо было быть человеком семи пядей во лбу, чтобы понять в каком эквиваленте должна быть компенсация. Ильфрид положил перед ними двести долларов.

– Merci (Спасибо), – услышал он под шелест банкнот исчезающих в дамской сумочке.

– S'il vous plaît. Adieu (Пожалуйста. Прощайте). – парировал он в ответ, широко улыбаясь.

Потеря двухсот долларов было малым из всех зол случившихся за этот вечер.

К тому времени, когда Ильфрид вышел на улицу, Георгия след уже простыл.

– Гер, ты где? – позвонил он ему на сотовый телефон.

– Еду домой.

– Я к тебе сейчас подъеду, – произнес Ильфрид, останавливая такси.

– Не стоит. Я буду занят.

– Чем?

– Пока, – сказал Гера и отключился, так и не ответив на вопрос.

Этот разговор заставил Ильфрида еще больше беспокоиться. В таком настроении Геру он давно не видел. Под давностью подразумевалось тринадцать лет. С тех пор жизненная позиция приятеля всегда давала возможность глядеть в будущее с оптимизмом.

«Что угнетает Геру? – размышлял он, направляясь к нему домой. – Последние несколько лет он работал на износ, желая чтобы сбылась одна заветная мечта. Он потерпел крах в ее осуществлении или что-то другое его терзает?» Проезжая мимо супермаркета, он попросил водителя такси остановиться, и спустя полчаса снова ехал, но уже с двумя полными пакетами. Один из них содержал двухлитровую бутылку водки.

Дом, где жил Георгий, был построен и оснащен по последнему слову цивилизации. В квартиры, которые занимали полностью этаж, доступ осуществлялся через двери лифта. Гостям надо было ожидать согласия хозяина, чтобы войти в лифт. В противном случае его двери вообще не открывались.

Консьерж, позвонивший по внутреннему телефону по просьбе Ильфрида, не дождавшись ответа, положил трубку и с легким недоумением пробормотал:

– Странно.

– Ничего удивительно, – достал сотовый Батыршин. Его ожидание, что Гера не жаждет общества, подтвердилось.

– Ну, – ответил приятель глухим раздраженным тоном.

– Двери лифта открой, – не церемонясь, проговорил Ильфрид.

– Я же сказал, что занят! – вновь отмахнулся от него Георгий.

– Ясно чем, – едко усмехнулся Ильфрид, слыша в голосе друга пьяные нотки. – Я тоже этим хочу заняться. Давай открывай дверь. Вместе будет веселее.

– Ты что и подружек с собой привел? – спросил Георгий с негодованием. – Шли их к черту! От этих баб одни проблемы.

– О! Как все у тебя запущено, – протянул Ильфрид, – если на мой счет в твоей голове такие мысли появились. Лечение тебе точно не помешает.

– Я уже начал лечиться, – мрачно захохотал его приятель. – Правда, лекарства оказалось маловато.

– А у меня, его завались, – рассмеялся он.

– Ну, тогда сам Бог тебя ко мне послал. Поднимайся.

– Таможня дала добро, – сказал Ильфрид консьержу и направился к лифту, двери которого спустя несколько секунд приветливо распахнулись.

– Bonsoir, mon bon ami (Добрый вечер, мой добрый друг)! – с кривой ухмылкой на лице встретил его Гера. – Ты уверен, что твоего лекарства хватит, чтобы мне вылечиться?

Ильфрид протянул ему пакет. Тот, заглянув, восхищенно присвистнул:

– Да, такое количество и меня вылечит, и тебя вылечит.

Через минут пять за мраморным кухонным столом под емкий тост: «Будем» раздался звон хрустальных рюмок. Не прошло и шестидесяти секунд, как прозвучало очередное: «Будем». Между последующими звяканьями хрусталя паузы росли в арифметической прогрессии, но в стойкой тишине. Мужское молчание прервалось только после того, как бутылка опустела на пол-литра.

– Вот и жизнь наладилась, – значительно хмыкнул Георгий, слегка заплетающимся языком.

– Ага, – согласился с ним Ильфрид, глядя на него осолопевшими глазами. – И стал мир вокруг еще прекраснее, давай за это выпьем, – разлил он водку по рюмкам.

– Мир прекраснее, – выпив, оскалился в злой улыбке Георгий, – а моя бывшая жена еще большей сукой! – и со всей силой поставил на стол хрупкий хрусталь, так что его ножка с тонким звуком подломилась.

– Бабы к миру не относятся, – философски изрек его собутыльник, выставив указательный палец. – От них одни войны на земле.

– Ты прав, приятель! Ты такой умный! За это я тебя всегда уважал! Дай лапу, – протянул Гера ему руку, – и я хочу выпить за это. За тебя! Черт, рюмка-то вышла из строя. Ладно, и бокал сойдет.

Щедро плеснув в него водки, он мутными глазами посмотрел на мелкую хрустальную посуду приятеля. Отодвинул ее и придвинул тару объемнее.

– Вот это для нас, для мужиков.

– Лишка не хватим? – Засомневался в своих силах Ильфрид. Он уже сидел, опираясь локтями о стол, остро чувствуя притяжение земли.

– Давно я хочу лишка хватить. Да все никак не могу время выбрать. – Гера поднял бокал. – И вот оно нашлось, – захохотал он, – как только Настя сказала, что никогда не отдаст мне Тоню, – и залпом выпил сто грамм водки.

Ильфрид к своей порции не притронулся. Проблеснули остатки сознания в помутневшем разуме. У каждого человека есть слабые места. У Геры это была дочь. Оперировав ее именем из него можно было вить веревки, что и делала его бывшая жена.

– На-ка, закуси, – придвинул он приятелю тарелку с нарезанными салями, хлебом и лимоном. Гера был нужен ему не в бесчувственном состоянии. Надо дать ему выговориться. Выскачать все, что терзает его душу и сердце. Только после этого он получит облегчение. Иначе от этой пьянки никакого лечения не будет. – И расскажи, что ответила тебе Настя.

– Эта сука! – со злостью выпалил Георгий.

– Стоп, – помахал рукой Ильфрид, – в начале закуска, потом разговор. Мне спешить некуда, я готов слушать тебя всю ночь и оказать поддержку в трудной ситуации.

– Если бы ты мог, – печально пробормотал его приятель. Откусил лимон, сморщился, но больше не от фрукта, а от мыслей о жене. – Я десять лет добивался всего этого, – Гера мотнул головой в сторону гостиной, – чтобы она перестала вопить, что я нищий. Теперь я могу позволить купить себе и личный пароход, и личный самолет. Но только не могу взять к себе своего ребенка. Ты слышал бы, каким она смехом рассмеялась, когда я сказал, что дочь, может жить у меня. Для этого есть все условия. – Георгий посмотрел грустными глазами на друга и прошептал устало, – я ее застрелю. Весь смысл моей жизни был перечеркнут ее смехом. Ее идиотским смехом! – Он ударил кулаком об стол. Тарелки вместе с бокалами подпрыгнули, весело звякнули.

– Да, дело дрянь, – протрезвел Ильфрид. – Но убивать, если ты еще способен думать, нет смысла. Тоню это огорчит. Она же любит мать, какой бы стервой та для тебя не была.

– Любит, – качая головой, подтвердил Георгий. – Тоня ничего не знает о том, что ее мама попросту меня доит, манипулируя ею. Я думал, что когда буду богат, как Крез, она отдаст мне дочь. Зачем она ей? Только мешает ее увлечениям с мужиками.

– Гера, Гера, – усмехнулся Ильфрид. – Ты такой большой, а до сих пор не понял. Тоня для Насти крупный банковский билет в будущее. При том, валютный. Как можно добровольно отказаться от такого куша?

– Я устал, Ильфрид. Я сильно устал от жизни, смысл которой заключается, как можно больше сделать денег. Устал от общения с людьми, оценивающими тебя по размеру банковского счета. Но деньги не могут помочь мне достичь моей цели, – и Гера, закрыв лицо руками, упал на стол.

В душе Ильфрида боролись два чувства. Сочувствие и злость. Сочувствие, что приятель не смог добиться опеки над дочерью. Злость, что он пал духом из-за этого. Потому, если Гера ждал слов сострадания, то жестоко ошибся. Негоже мужчине слезы лить, надо продолжать бороться. Для того, чтобы он снова был готов к борьбе, надо хорошенько его встряхнуть, чтобы принял стойку защиты. Кувалда здесь, конечно не подойдет, голова не выдержит, а вот сарказм будет в самый раз.

– Конечно, наш Георгий Георгиевич сильно устал. Он устал считать деньги, подписывать банковские чеки на миллионные суммы и смотреть на людей с высоты пятнадцатого этажа через светоотражающее стекло размером три метра на три.

Георгий от такого тона друга даже слегка протрезвел и, приподняв голову, с удивлением посмотрел на него.

– Что не нравится? – язвительным тоном спросил Ильфрид, а в глазах плескалась ярость. – Не кажется ли тебе, что ты слишком вознесся, мой друг, сидя в своем навороченном кабинете, катаясь в тачке за сто тысяч долларов? А знаешь ли ты, что для большинства людей покупка нашего торта является праздником? Знаешь, что я тебе скажу, мой страдающий друг? Ты зажрался! – Он схватил бокал с водкой, выпил одним глотком. – Он устал считать деньги, – пробормотал Ильфрид, покачивая головой. – Он устал считать деньги, – повторил он, и силой стукнул кулаком по столу, так что тарелки с бокалами вновь подпрыгнули. – Как же ты быстро забыл тот задрипанный пароход ползущий по вонючим каналам. Себя, работающим матросом ради того, чтобы добраться до Марселя. А сейчас ты кем себя возомнил? Куда вознесся? Крылышки не жжет? Не окропить водичкой? – поинтересовался ухмыляясь.

Ответа он не дождался. Вместо него прозвучал в начале короткий сдвоенный смешок, а потом густой раскидистый хохот. Держась за край стола руками, Георгий зашелся в приступе смеха. Ильфрид в изумлении уставился на друга. Не такой он реакции от него ожидал.

– Нет, ты что ржешь, как конь? Я что неправду сказал? – разозлился еще сильнее он. – Вот скажи мне, когда ты в последний раз видел людей живущих на зарплату. Нет, не тех, которые работают в нашем холдинге. Обыкновенных работяг. Прекрати смеяться!

Георгий выдавил.

– Крылышки. Ну, ты и рассмешил меня.

– Вот уж не думал, что мне можно работать и клоуном, – пожимая плечами, проговорил Ильфрид. – Спустился, что ли с небес? – увидев, что приятель перестал смеяться.

– Спасибо, тебе большое. Вправил мне мозги, – откинулся на спинку стула Георгий. Вздохнул, закрыл глаза, открыл. Окинул взглядом стол. – Мы не слишком тут с тобой разошлись?

– Так ты же лечился! – хмыкнул Ильфрид.

– Не, – мотнул головой Гера, – это я распустился. Правду ты сказал, оторвался я от народа.

– Не хочешь вернуться в массы? Жизнь снова забурлит в тебе.

– Ты что предлагаешь мне пойти в менеджеры по продажам. С клиентами близко общаться?

– Не, эта должность уж слишком мала для тебя. Грех распыляться твоими знаниями на таком уровне.

– Так, товарищ клоун, не темни. Чем и где ты собрался меня долечивать?

– Ты еще помнишь, что мы в Уфе приобрели два цеха?

– А ты как думаешь? Я что, сильно пьян? – усмехнулся Георгий.

– Ну, тебя, чтобы свалить не пол-литра только нужно. Так что давай, собирай чемодан и завтра дуй в Башкортостан. Там твои мозги, если ты еще их до конца не пропил, – поддел его Ильфрид, – ой как нужны, потому что оба цеха находятся в полном дерьме.

– Так зачем ты их тогда купил?

– Ты в своем уме? Тебя, что надо заново учить маркетингу. Ты хотел ощутить интерес к жизни. Момент настал. Уфа тебя ждет. Или тебе слабо занять должность заведующего цехом?

– Бред какой-то. Сейчас я все брошу и начну возиться с технологами, и кондитерами.

– Что, не царское это дело общаться с простолюдинами?

– Да, не в этом дело? – огрызнулся Георгий. – Как я могу надолго уехать от дочери?

– Вот потому ты и пришел к сегодняшнему вечеру, а проще говоря, занялся пьянством. Но водка твоей проблемы не разрешила. Я прав? – задал он вопрос, глядя на него самодовольно.

– Я прав, я прав. Что ты заладил, как прокурор на суде? – взвился Георгий. – Как можно оставить дочь с этой стервой надолго?

– Сказать, в чем твоя ошибка во всей этой истории Жора?

– Скажи! Хватит из себя строить господ Бога.

– Ты чересчур сильно опекаешь дочь, находящуюся возле матери. Так что, твоей жене, пардон, бывшей, делать нечего. Она только снимает, как татарский хан дань с тебя и живет в свое удовольствие. Уезжай, не сообщая им ничего. Оставь их одних. Твоя Тонька не ангел. Через пару дней Настя взвоет от постоянного общения со своим чадом. Вот увидишь, не пройдет и полгода твоя бывшая благоверная сама прибежит к тебе. Христом и Богом будет умолять, избавить ее от такого чудовища.

– Ты уверен? – с сомнением спросил Георгий.

– Вот, знаешь, друг, когда дело касается твоей семьи, я смотрю, ты становишься сентиментальным, как тургеневская барышня и тупым, как сибирский валенок, – искренне высказался Ильфрид.

– Ты что это серьезно, говоришь? – растерянным голосом от такого заявления задал вопрос Гера.

– А то нет! Только твоя позвонит, что надо бы дочь туда-сюда сводить, ты тут же на задние лапки становишься и рысью, рысью к ней, – распалился его приятель и без прикрас выкладывал наболевшее. – Обидно за тебя, как за мужчину. Где ты монстр, акула бизнеса, а где... – не договорив, чтобы не обидеть совсем друга, он махнул рукой.

Облокотившись об стол, Георгий обхватил руками голову.

– Неужели, я так всегда по-дурачки выглядел, когда она звонила?

– Не обижайся. Но это было так. Тонька твоя Ахиллесова пята.

– Мне не хотелось, чтобы дочь считала, что я пренебрегаю ей.

– Итог такого поведения оказался для тебя плачевным. Теперь они крутят тобою, как хотят, – покачал головой Ильфрид.

Звонок сотового телефона Георгия прервал их доверительный разговор.

– Помяни черта, – буркнул Батыршин.

– Да, – прорывал Гера в трубку. Видно крепко задело признание друга. – Нет, не могу. Меня здесь нет. То есть, меня нет в Москве. А где я? Далеко. Какая разница? В Уфе, дорогая, если это тебя так интересует. Где это? Бог, ты мой. Ты что в школе не училась, Настя? Уж, точно Уфа не на Канарах находится и не на Мальдивах. Я не издеваюсь, mon cher. Нет, это не Мордовия и не Марий Эл. Вот это верно. Уфа находится в Башкирии. Мне приятно знать, что ты не совсем круглая.... Я не оскорбляю тебя, я еще ничего не сказал. Прости. Ты права, ты не заслуживаешь. Не знаю. Не скоро. Хорошо. Звони. Пока.

У Ильфрида, изображавшего скуку в начале речи приятеля, на лице сейчас присутствовало выражение потрясения. И как только тот, отключил телефон, он выпалил.

– Ты это серьезно? Ты едешь?

– Но ведь, если не поеду, ты первый назовешь меня слабаком.

Ильфрид рассмеялся.

– Назову.

– Ну, что настало время для меня не только ждать дивиденды с акций. Тряхнем молодостью, кинемся на подъем целинных угодий. Поднимем рост и благосостояние рабочего народа, – с театральным пафосом продекламировал Георгий лозунг советского времени. Но и в наше время он был актуален.

– Полгода хватит тебе, чтобы поднять производство? – улыбнулся его приятель.

– Я еще не видел, что за фабрики ты там купил, так что не провоцируй меня на необдуманные обещания.

– Слышу слова крутого бизнесмена.

– Не язви. А то передумаю.

– Нет, уж друг, назад тебе дороги нет. Ты дал слово, – воскликнул Ильфрид, и резко схватив за руку Георгия, крепко пожал ее. – А теперь и по рукам договорились, – заявил он, прищурив глаза.

– Я знал, что ты хитрый татарин, – захохотал Гера, – но не до такой же степени.

– Извини, сам вынудил. А сейчас можно рассказать, что представляют собой мои приобретения в Уфе. Ты знаешь, с чего тебе не мешало бы начать деятельность там?

– Заменить печи? Купить хорошие миксеры? – В кондитерском деле, это было самой важной деталью.

– Нет, mon cher ami(мой дорогой друг), все намного банальнее. Надо в первую очередь заменить унитазы, Не то от вида тех, что там стоят, тебя точно стошнит, и пожалей сотрудников цеха.

Веселью Ильфрида не было предела, когда он увидел, какими глазами на него смотрит Гера.

– Даю тебе, честное пионерское слово, что скучать ты там не будешь, – хлопнул он, его по плечу, продолжая смеяться. – Так, что давай, выпьем за то, чтобы только замена унитазов стала для тебя самой глобальной проблемой из всех, чем тебе там придется столкнуться.

– Да, сантехником я еще не работал, – пробормотал Георгий.

– Какие твои годы! – прокомментировал Ильфрид.

Пригубив водку из бокала, теперь уже казавшейся слишком объемной, Гера подмигнул ему.

– Allons enfants de la Patrie

Le jour de gloire est arrive

(Давайте пойдем сыны отечества

День славы, прибудь), – красивым баритоном затянул он. Эти слова, хоть и на французском языке отражали его состояние.

Ильфрид улыбнулся и присоединился к его пению. Марсельезу, песню французских революционеров, им невольно пришлось выучить за время пятилетнего проживания во Франции в Марселе.

– Contre nous de la tyrannie

L'etendard sanglant est leve

L'etendard sanglant est leve

Entendez vous dans les campagnes

Mugir ces ferores soldats

Ils viennent jusque dans vos bras,

Egorger vos fils, vos compagnes

(Нам не нужного золотого кумира

Ненавистен нам царский чертог

Мы пойдем к нашим страждущим братьям

Мы к голодному люду пойдем

С ним пошлем мы злодеям проклятья

На борьбу мы его позовем).

Песня была длинной, но к их чести, друзья не забыли ни одного куплета. Они допели ее до последней строчки, засмеялись, пожали друг другу руки в знак уважения. Через минуту они были уже серьезными и стали обсуждать производственные вопросы холдинга. Лишь глубоко

ночью Ильфрид, несмотря на уговоры товарища, заночевать у него, собрался домой. Зайдя в лифт, он широко улыбнулся.

– А хорошо, мы с тобой Гер, оттянулись по поводу моего приезда! – и нажал кнопку первого этажа.

Пока лифт опускался вниз, из него доносилось торжественное пение Марсельезы.

Глава 2

– Марина Владимировна, третья печь снова не работает. А я десять минут назад туда бисквит выпекаться поставила, – со слезами на глазах проговорила Юля, – сколько работы, продуктов и времени насмарку.

– Это вчера ее ремонтировали? – не обращая внимания на огорчения девушки, спросила технолог.

– Ее. Чтоб им пусто было, – в сердцах воскликнула она. – Из-за них у меня план выхода летит к чертовой матери. А ведь клялись и божились, что будет работать, как новая, – кипятилась кондитер.

– Ладно, ты не сильно расстраивайся, я сейчас поговорю с инженером по оборудованию, и пригрожу, что если так и дальше будут работать, то напишу докладную на них.

– Вы посильнее припугните их, а то достали бестолковыми бесконечными ремонтами, – напутствовала Юля. Но Марина без ее пожеланий в этот раз была готова пойти на крайние меры.

В кабинете Михалюка, инженера по оборудованию, шло мужское заседание, но исходя из последних слов, которые услышала Марина, входя, совещались не по поводу качественного и быстрого ремонта печей, а о том, как провести пятничный вечер. Увидев ее, мужчины замолчали и оценивающе откровенно уставились на нее.

– Валентин Павлович, – сдержанным тоном проговорила Марина, давая понять, что она пришла по делу, и посторонние здесь нежелательны.

Но ни один из мужчин не шевельнулся и не поднялся с места, с интересом ожидая, услышать, что заставило ее прийти сюда. Почти месяц назад Марина заняла пост технолога в кондитерском цехе путем конкурсного отбора, и с первых минут работы держалась на солидном расстоянии от мужчин-коллег. Последние были прекрасно осведомлены об ее положении одинокой женщины, находящейся в разводе и каждый из них ждал момента, что он будет первый, с кем она начнет флиртовать. Ее появление сейчас мгновенно расценилось, как попыткой закадрить инженера. Иначе, что можно делать здесь в конце рабочего дня и недели.

Увидев, что ее тон не возымел должного понимания, Марина решила не обращать внимания на пристальные взгляды мужчин и перешла к делу.

– Валентин Павлович, вчера отремонтированная вашим отделом печь снова встала. Мои кондитера потеряли время, и продукты из-за этого. По вашей вине срывается план выхода продукции, уже в который раз. Я буду вынуждена поставить об этом в известность директора.

– Вот как! – усмехнулся пятидесятилетний инженер и переглянулся с мужчинами, которые сидели, улыбаясь, после ее разгневанной речи. – К чему такие эмоции?!

– Ах, значит это эмоции, когда предприятие несет убытки, и это сказывается на нашем заработке. Да, Вы, хоть малейшее представление имеете, в каком состоянии находится оборудование? – разозлилась Марина. – Не выдерживается температурный режим, требуемый по технологии. Нарушена теплоизоляция нескольких печных камер, из-за чего распространение тепла неравномерно, отсюда много бракованной продукции. Рентабельность падает с каждым днем. Невозможно осуществить качественный ремонт, тогда закупите новые печи, отвечающие всем нормам ведения технологического процесса. Ремонт настолько износившегося оборудования – невыгодная инвестиция, Вы должны это понимать.

– Вы думаете, реконструкцию можно быстро произвести? А сколько денег на это надо, вы не просчитали? – парировал он ей в ответ с иронией.

– Я знаю, сколько оно стоит и не надо прикидываться нищими.

– Да, Вы, Марина Владимировна, без году неделя здесь, а изволите, какие-то права качать, – побагровел Михалюк. – Что Вы понимаете в техническом оснащении производства. Это не для женского ума.

– По-вашему, мужчины только могут в этом разбираться?

– А что неправда? Ваше дело – тесто, а не железки. Вот и следите за тем, сколько муки и яиц нужно разбить и размешать.

– Вы, думаете, что технолог должен следить только за количеством яиц? Тогда вы очень далеки от производства, которым так чутко руководите, – с сарказмом заметила Марина.

– Ну, это не Вам заниматься оценкой моего труда. Вы женщины нужны нам только в одном деле, и потому я предлагаю Вам провести выходные вместе с нами. Как, ребята, она нам пригодится? – спросил он, мужчин, дружно заготовивших в поддержку его высказывания.

Кровь прилила к лицу Марины от откровенного издевательства над ней, хотя и в прошлом ей не раз приходилось сталкиваться с таким обращением к себе. Понимая, что бессмысленно вести деловой разговор с этим мужчиной, она круто развернулась и вышла из кабинета.

– Ну, что, ребята, не хотите по-хорошему, – пробормотала она, идя по коридору в сторону приемной директора цеха, – значит, будем принимать жесткие меры.

На ходу, сняв белый халат и взяв его под мышку, она оглядела на себе блузку: не вылезла ли она из юбки и все ли пуговицы застегнуты? Заправляя ее, она завернула за угол коридора и уткнулась во что-то твердое, но в тоже время и мягкое. Резко подняв голову, Марина увидела перед собой высокого в представительном черном костюме мужчину лет сорока, который придерживал ее за плечи с кривой улыбкой на губах.

Она застыла под взглядом его карих глаз, как загипнотизированная. Когда-то в молодости, точнее юности, у нее вырисовался образ мужчины, который мог бы заставить трепетать ее сердце. Высокий крепкого телосложения брюнет с черными глазами, с мужественными чертами лица. Со сдержанным характером и предупредительным по отношению к женщинам, с чувством юмора ироничным в меру. Но с годами, а особенно после замужества, она поняла, что таких людей просто-напросто не бывает. Наглядным примером тому был ее муж. Он был красив, но без мужественности, которую Марина думала он приобретет с годами. За маской молчаливости, которую она приняла за сдержанность, в нем скрывалась натура мелочная, завистливая, а юмор, по молодости казавшийся ей искрометным и ироничным, был желчным, злым и глупым. И вот теперь перед ней неожиданно возник внешний облик ее мечты. Неужели он существует или лучше сказать, наконец-то появился?

– Спешим? – прозвучал глубокий мужской голос с небольшой иронией, который заставил ее вернуться в действительность.

Что это вдруг с ней? Она ведь уже давно распростилась со своей мечтой, говоря, что это были фантазии наивной девушки, и даже, если вдруг найдется человек внешне схожий с ее идеалом, то внутренне он, ну вряд ли, будет соответствовать ему.

– О, извините! – воскликнула Марина, шагнула в сторону, освобождаясь от рук незнакомца, и наступила на чьи-то ноги. – Простите, я не хотела! – произнесла она, разглядывая второго пострадавшего из-за ее рассеянности и торопливости. Этот мужчина был также хорош и холеный, как первый, только помоложе и улыбался добродушно, а на ее растерянное бормотание, сказал со смехом:

– Ничего страшного. Даже слегка пострадав, нам приятно осознавать, что женщины любыми способами стараются привлечь наше внимание. Мы польщены!

Марина взглянула на него с презрением. Еще одни бабники, к тому же осознающие, что они красивы и богаты и делающие на это ставку. Все женщины мира – наши! Господи, куда катится мир, когда мужчины в каждой женщине попавшейся на их пути видят только предмет для развлечения?

– Простите, – сквозь зубы процедила она и рванула от них вдоль по коридору.

– Куда же Вы, – понеслось ей вслед, – Вы забыли познакомиться с нами?

– Придурки богатые! – пробормотала Марина, идя скорым шагом, – они еще засвистели бы мне вслед. Вид на миллион, а ума ни на грош.

Когда она дошла до приемной управляющего, гнев оттого, что ей за небольшой прошедший промежуток времени довелось услышать от мужчин, в ней кипел очень круто, и она остановилась, чтобы успокоиться. Ей предстоял серьезный разговор еще с одним представителем мужского пола.

«Надеюсь, что хотя бы управляющий еще не заражен предвыходным настроением и не будет флиртовать со мной», – подумала она, открывая дверь в его приемную. Заготовленная ею речь для секретарши не понадобилась. Девушка отсутствовала. Марина постояла немного, решая, входить ли без предварительного сообщения о себе или дождаться появления секретарши, и сделав выбор в пользу первого, мотивируя тем, что рабочий день на исходе, уверенно открыла дверь в кабинет.

– Можно, Виктор Андреевич? – спросила она, переступая через порог, и, увидев всклокоченную голову управляющего и недобро глядящие глаза, поняла, что здесь ее воспримут серьезнее некуда.

– Чего тебе? – резким голосом осведомился он, нещадно затягиваясь сигаретой и выпуская дым через ноздри в без того уже обкуренный воздух помещения.

– Я по поводу оборудования, – перешла сразу к делу Марина, понимая, что не стоит затягивать с визитом, но раз пришла, стоит попытаться обсудить возникшую проблему.

– Что там еще случилось у Вас? – раздраженно воскликнул он.

– У нас встала печь, только вчера отремонтированная. Моя жалоба в адрес слесарей инженеру по оборудованию не имела должного эффекта. К тому же он еще и посмел оскорбить меня в их присутствии.

– Вот как! И Вы решили пожаловаться на него вышестоящему начальству, – процедил со злостью Виктор Андреевич.

Марина пристально посмотрела на него. Судя по словам управляющего, в данный момент ей, вообще, не надо было бы здесь находиться.

– Я Вас спрашиваю, – окликнул он ее, – почему вы не смогли разрешить этот вопрос между собой? Что обязательно идти ко мне и взваливать все проблемы на мои плечи? Сколько времени Вы проработали у нас?

– Месяц, – сдержанно проговорила Марина, – но дело в том, что печи никуда уже не годны, – быстро добавила она, – и бессмысленно вкладывать в их ремонт деньги. Только новые печи смогут дать нам возможность...

– Это вопрос не вашей компетенции, – заревел управляющий, привстав со стула и опираясь об стол, подался вперед. – Вы не смогли за месяц найти общий язык с человеком, с которым должны постоянно тесно сотрудничать. Из-за этого у вас сорван план выхода продукции. Это говорить о вашей профнепригодности и несоответствии должности. Вы не выдержали испытательный срок и потому с сегодняшнего дня уволены.

Глаза Марины широко раскрылись. Она с изумлением глядела на Виктора Андреевича. Что за бред он несет?

– Все свободна, – упал он на стул и, затянувшись сигаретой, уставился в бумаги лежащие на столе, как будто ее уже не было.

Такого презрительного отношения к себе Марина не ощущала со времен семейной жизни. На мгновение она почувствовала неуверенность в себе, и ей захотелось просто убежать, не пытаясь защититься, как тогда, когда муж ей выговаривал, что она набитая дура и только Богу известно, как она выучилась в институте. Но это было только мгновение.

– Когда я могу получить расчет? – твердо произнесла она. Прошли те времена, когда она сжималась от страха перед мужским гневом, к тому же неоправданным.

Виктор Андреевич вскинул голову и в изумлении уставился на нее.

– Э, а, ...в понедельник приходите, – пробормотал он, и не отрывал от Марины изучающего взгляда до тех пор, пока она не скрылась за дверью.

В приемной секретарша с покрасневшими глазами, шумно сморкалась в носовой платок.

– Простыли? – вежливо поинтересовалась Марина.

– До того, как это произойдет, меня в начале инфаркт схватит, – сдерживая слезы, прошептала девушка. – Не могу я больше здесь работать, уволиться что ли?

– Я уже! – горько усмехнулась Марина. – Точнее, меня.

– Как?! Ой, не стоило Вам сегодня встречаться с ним. Он после ухода новых хозяев, как с цепи сорвался.

– Вон оно, в чем дело, – сделала она умозаключение по поводу поведения управляющего. – Ну, что ж, до свидания. В одном вижу плюс моего увольнения, я теперь избавлена от приступов плохого настроения Вашего начальства.

– Завидую Вашей выдержке, – шмыгнула носом секретарша, – а я уже в который раз от него плачу.

– Не стоит он этого, – сказала ей на прощание Марина, выходя в коридор.

Глава 3

– Что это с тобой? – сдержанно спросил Георгий у Кирилла. – Ты засвистел бы еще ей вслед.

– А что, надо было? Да, просто после испуганной рожи этого Гринина, тоскливо стало.

– Какой ты наблюдательный? – с сарказмом проговорил Георгий, – а заметил, что это женщина не из той категории, с которыми ты привык общаться? А Гринин в страхе оттого, что может рабочее место потерять.

– Господи, да за кого ты заступаешься? – воскликнул Кирилл, – он, между прочим, тебе за эти два месяца одни убытки принес. Да, его надо было тотчас же уволить. А ты: даю Вам две недели на устранение недостатков, – подражая его голосу, произнес он с иронией.

– Хорошо, а каков твой вариант был бы, Рокфеллер ты наш дорогой, – надевая пальто, спросил Георгий.

– Заменял! – зажав портфель ногами и, натягивая на себя плащ, подбитый мутоном, ответил с горячностью Кирилл.

– Отлично! Очень удачная мысль! – с театральной восторженностью воскликнул его шеф. – И я так понимаю, в твоём кармане, куча специалистов кондитерского дела завалилась. Я понимаю, что ты сечешь в бухгалтерии, как Бог, но в людях, Кирилл, тебе еще разбираться и разбираться, – назидательно высказал Георгий своему молодому помощнику.

– Извини. Просто этот хрыч меня добил, когда с умным видом начал говорить, что его цех рентабельное предприятие, в то время, когда в документации проходят цифры, кричащие об убыточности.

– Не кипятись. На то мы и здесь, чтобы в ходе инспекционной проверки выявить, причины приведшие их к этому. Иначе, цех не был выставлен на продажу. Я еще не помню, чтобы кто-нибудь пытался избавиться от курицы несущей золотые яйца.

– Не завидую тебе, Георгий. Ладно, я сосчитаю и подобью бездушные цифры, а тебе с людьми предстоит общаться, – сказал Кирилл, открывая дверь автомобиля с водительской стороны.

– Не переживай, я же сам напросился на эту работу, – сев на переднее пассажирское сиденье, усмехнулся он. – Здесь я хоть избавлен... – Но звонок одного из двух его сотовых телефонов не дал ему договорить. Взглянул на дисплей, – о! Уже соскучились, – прокомментировал он. – Слушаю тебя, Таня, здравствуй.

– Гера, милый! – зазвенел в его ухе возбужденный женский голос, – догадайся с трех раз, где, я сейчас нахожусь?

– На Канарах? – ухмыльнулся Георгий.

– А вот нет! Это находится намного ближе к тебе? – восторженно подсказала женщина. – Вторая попытка!

– В Сибири, ты вряд ли будешь находиться в декабре?

– Ну, Гера! Как можно, так мрачно шутить. Типун тебе на язык. А если я скажу, что это сюрприз?

– Черт! – вырвалось у Георгия досадное восклицание. – Ты что в Уфе?

– Приз в студию!

– Не понял, у тебя, что проблемы с драгоценностями?

– Господи, как ты циничен! Нет, просто я по тебе соскучилась. По такому вот неисправимому хаму! – не обижаясь на него ни капли, высказалась Татьяна. – Ну, ладно милый, я здесь в холле твоей гостиницы. Жду, – и отключилась.

– Никак догнали? – с притворным сочувствием поинтересовался Кирилл.

– Ладно, в каждом негативе есть свой позитив. Поехали.

«По крайней мере, вечер пройдет не так тоскливо», – ободрил себя мысленно Георгий, входя в двери гостиницы «Башкирии», предупредительно открытые перед ним швейцаром.

– Гера, наконец-то! – увидев его, воскликнула женщина в роскошной норковой шубке, вставая с кресла.

– Какими судьбами, Танечка? – спросил ее бесстрастным тоном Георгий, когда закончилась церемония встречи, сопровождавшаяся чувственными поцелуями и крепкими объятиями с ее стороны.

– Мы будем здесь об этом говорить? – обвела она взглядом холл, и поглядывающих на них с интересом двух портье за стойкой, и с раздражением откинула длинные кипенно белые волосы за спину.

– Надолго приехала? – задал он встречный вопрос, понимая, что она права.

– Ты же знаешь, как я отношусь к тебе – с печалью в голосе произнесла Татьяна. – Я бы...

– Оставь, – грубо оборвал ее Георгий, – я сниму тебе на три дня номер. Дольше тебе здесь делать нечего. Я очень занят.

– Хорошо, – с обреченным видом согласилась Татьяна, и через мгновение уже проговорила с улыбкой, – надеюсь, здесь есть приличные рестораны, я голодна, как стая волков.

Вечером в ресторане гостиницы после ужина, сопровождавшегося немногословной беседой, Георгий расслабился. Теперь приезд Татьяны, несмотря на неожиданность, не казался грубым вторжением в его мир. Стоит ли резко порывать отношения с прежними женщинами, только оттого, что он задумал изменить образ жизни, чтобы ощутить по-новому ее вкус.

Татьяна, заметив, что выражение лица Геры смягчилось, решила затеять разговор о том, как и где он собирается провести Новый год.

– Не знаю, – ответил коротко Георгий, скривив рот наподобие улыбки. Такие вещи, как многолюдные сборища, его перестали привлекать. Ничего нового он на них не приобретал, кроме расходов на новую очередную любовницу и последующую из-за этого головную боль.

Но Татьяна ударилась в пространную речь о том, где их общие знакомые собираются встретить Новый год и где все же лучше. Ее щебетанья становилось все больше и больше, и она начала требовать от него ответы на такие вопросы, которые, по сути дела, его ни капли не волновали. Через некоторое время он почувствовал утомление от нее, и понял, что нет, все же ее приезд его раздражает. Но ради секса, которого лишен из-за отъезда из Москвы и смены круга общения, он потерпит ее три дня. Единственное удовлетворение, которое она может доставить ему – это физическое, но не душевное. Его душа в смятении уже целый год, и не известно, когда придет то время, когда ему снова станет интересно созидать, общаясь с людьми. А пока он устал. Устал от изобилия всего, что его окружает, и что нового уже ничего не придумаешь. Извечный обывательский круг – работа, еда, отдых.

– Идем в номер, – резко оборвав диалог Татьяны с самой собой, он поднялся со стула.

Официант тут же возник возле него со счетом на подносе. Отсчитав требуемую сумму, Георгий добавил щедрые чаевые, и, не обращая внимания на ошеломленный взгляд спутницы и на то, идет ли она за ним, направился к выходу из ресторана.

– Что будешь пить? – спросил он девушку, когда вошли в его номер люкс. Чем быстрее они перейдут, к тому, что ему еще нравится, тем лучше. Спиртное поможет им сократить время прелюдии.

– Водку! – агрессивно ответила Татьяна. Ей надо хорошо напиться, чтобы не замечать пренебрежительного отношения Геры к себе. Но и уйти она не могла. Этот мужчина, как будто приворожил ее к себе. Она уже полгода мучилась от непростых чувств испытываемых к этому человеку. Она прекрасно видела, что он использует ее. Правда, это обходилось ему недорого, но от этого ей легче не становилось, потому что таким образом он обращался со всеми женщинами, с которыми завязывал хоть какие-то отношения. Хотя это громко сказано, отношений у него ни с кем из женщин не было. Он был и есть акула-одиночка. Как и эта рыба, он был

хищником. Таким же сильным и привлекательным. Черт его побери! Так же, как и акулы его побаивались, но в то же время восхищались мощью и грацией. Но никогда, и Татьяна знала об этом точно, она не познает его сущности. За то время, что она знакома с ним, он даже ни разу не поделился своими размышлениями на то или иное событие. О таких говорят, он сам себе на уме. И сейчас она знала, что бессмысленно задавать ему вопросы о том, что его гнетет или что он хочет. Хорошо, если он ее не выгонит из своего номера, она этого не переживет. Но и заниматься любовью она с ним не в состоянии, душа кричит от боли. В таком случае возможен только секс, голый секс. Так, что надо напиться и забыться, пусть творит с ее телом что хочет, как и ее тело с его.

Она залпом выпила предложенные ей тридцать грамм, и попросила еще. Георгий посмотрел на нее пристально и налил еще. После второй порции Татьяна широко улыбнулась.

– Ну, что дорогой, займемся сексом? – описав круг пустым бокалом, развязно произнесла она, чем ввела Геру в секундное замешательство.

– Займемся, киска, – заявил он, притягивая ее к себе, – иди ко мне. Правильно, зачем нам сантименты, жить можно и без них.

Утро следующего дня для Татьяны стал жестоким испытанием. Ее тошнило, голова кружилась.

– Как мне плохо! – были ее первые слова после пробуждения.

– Урок на будущее, никогда не смешивай водку с вином, – посоветовал Гера, проснувшийся от ее реплики.

– Хорошо говорить, – простонала она в ответ, – когда ни от чего не страдаешь.

– Как сказать, – задумчиво проговорил мужчина, поднялся с кровати и направился в ванную, в чем мать родила.

Татьяна молча наблюдала за ним из-под полуопущенных ресниц, восхищаясь его физическими формами, пока он не скрылся за дверью. Она потянулась, подумав с удовольствием, что этот великолепный мужчина всю ночь прикасался к ней, и на удивление ощутила в теле, напротив того, что творилось у нее с головой и с желудком, приятную усталость. Одно было хорошо, что вчера после выпитого она перестала мечтать о любви и оторвалась на полную катушку. Секс с Георгием, несмотря на то, что он не любил женщину, приглашенную в свою постель, всегда был на высоте. Он был как тот скрипач, который во всю использует скрипку, чтобы извлечь из нее стоящую музыку, но при этом, не разрушая ее, не превращая в хлам. Она улыбнулась своим неординарным сравнениям, и такой ее застал Георгий, вернувшись в комнату.

– Ну, я смотрю, все не так плачевно, как казалось тебе, – усмехнулся он, вытираясь полотенцем и выставляя на обозрение без стеснительности свое обнаженное тело. – Значит, ты в состоянии проехаться по магазинам?

– О! – протянула Татьяна, ее глаза заблестели, улыбка стала еще шире, а головная боль напрочь улетучилась. Она не была бы женщиной, если бы при слове подарок не сделала, как собака стойку. Такие вещи она любила, а от Георгия можно было получить очень, ну очень хорошие подарки, так что даже душа найдет уладу, и если сказать откровенно, то на большее, чем материальное вознаграждение за секс, она не может притязать. Так зачем губить свои нервы фантазиями? Лучше распрощаться с мечтами о несбыточном, чем приобретать на лице новые морщины.

В воскресенье вечером Гера проводил Татьяну в аэропорт, и она довольная приобретенными вещами, без сожаления расставшись с ним, улетела в Москву.

В понедельник утром Георгий вновь сидел в кабинете управляющего. В этот день он хотел осмотреть имеющееся оборудование и инвентарь, сверяясь по списку. Потом лично познакомиться и переговорить со всеми людьми, стоящими на руководящих постах цеха.

Профессиональное оборудование и инвентарь, как специальный, так и бытовой, которые он осмотрел, оставляли желать лучшего. В противном случае, он не был бы выставлен за смешные деньги на продажу, подумал Георгий, мрачно оглядывая, находящийся в ужасном состоянии и санузел. Первая санинспекция, в первую же проверку надолго прикроет этот цех только из-за этого. Значит, надо выделять, и при том немалые, средства на полное переоснащение цеха. От хозяйства купленного толк только в качестве продукции, которая пользуется хорошим спросом у населения. Но ее выпускается так мало и ее продажа не окупает всех затрат на оборудование, аренду помещения, и зарплату рабочим.

До обеда, посидев за подсчитыванием размера инвестиций в материальную часть производства, и устав от этого безумно, Георгий решил после обеда пообщаться с кадрами. Так как никаких претензий к качеству продукции не имелось, он решил начать с приятного, познакомиться с технологом, обеспечивающим этот процесс производства без нарушений. Ему можно было поставить памятник. На таком оборудовании заниматься выпечкой даже в малых масштабах, уже подвиг.

– Пригласите, пожалуйста, ко мне на беседу технолога, – попросил он секретаршу, входя в приемную в два часа дня.

– Ой! Ой, а как же мне...? – прозвучало в ответ неожиданное для него восклицание, неординарное для служащей такого уровня.

– В чем дело? – холодно спросил Георгий. Кирилл уставился заинтересованным взглядом на девушку.

– Понимаете, – замялась секретарша, – ее уволили.

– Что?! Когда?!

– В пятницу, – промямлила она, услышав в его голосе нотки гнева

– За что? Что за распоряжения без моего ведома? В какое время это было сделано?

– Простите, Георгий Георгиевич, может Вам об этом Виктор Андреевич расскажет. Я не знаю точных причин увольнения, – со страхом в глазах решилась сказать девушка.

– Вы правы. Как Вас зовут?

– Настя, Георгий Георгиевич. Тропина Настя, – привстав, представилась она, и почувствовала, что не настолько уж страшен их будущий хозяин, как ей представлялось. Просто он ответственный и принципиальный.

– Настя, предоставьте мне список всех работников предприятия, а также их послужные списки, в том числе сведение об уволенном технологе.

– К которому часу Вам их представить. Через час можно?

– Более чем, – с бесстрастным выражением лица ответил он, входя в кабинет управляющего.

И Настя поняла, что управляющему вновь не избежать приступа плохого настроения, как говорила уволенная Марина Владимировна.

– Я хотел бы поговорить с технологом, – без предисловий заявил Георгий Гринину, чтобы застав его врасплох получить правдивые объяснения.

– У нас вакансии этой должности, – не сразу ответил ему Виктор Андреевич.

– Да? – с преувеличенным интересом спросил Георгий.

– Женщина, что была принята на эту должность, не выдержала испытательного срока, и мне пришлось ее в пятницу уволить.

– К вам пришли рекламации по качеству продукции? Покажите.

– Нет, нет, – забормотал Гринин. Рекламации это страшная штука для производителей. – Просто она не проявила профессионализма, – сказал он и замолчал, не зная, как объясниться.

– В чем? В производстве тортов, пирожных, булочек? – подсказали ему, торопясь услышать ясный ответ.

– М-м-м, – растерянно взглянул на него управляющий. Положительный ответ противоречил бы ранее сказанному.

– Что-то я вас не пойму, – вспыхнул Георгий. – Ответьте мне четко, прекратите мычать. Что побудило вас уволить человека, работа которого не вызвала замечаний по линии его деятельности?

– Она не смогла найти общий язык с инженером по оборудованию, который уже несколько лет работает здесь. – Выставил подбородок вперед Гринин.

– По какому вопросу? Он ей советовал, как правильно тесто замешивать и она не согласилась с этим? – иронизировал Георгий, чем вызвал у Кирилла, сидящего за компьютером смехок.

– Нет. Все наоборот. Это она полезла с советами к нему по поводу оборудования, – с важным видом проговорил Гринин и замолчал.

– Черт! Что же такого она посоветовала ему? В конце концов, Вы можете дать мне объяснение, почему технолог, не вызывающий порицаний на своем рабочем месте, был уволен из-за разговора с инженером по оборудованию, – с гневом воскликнул Георгий. – Почему Вы разбрасываетесь кадрами, умеющими выпускать отличную продукцию на ужасном оборудовании? А инженера, который не может обеспечить нормальную работоспособность этого оборудования, продолжаете держать на его должности? Кирилл, где документы по техническому отделу? Какой ты вывод сделал, просмотрев их?

– Акты ремонта одних и тех же печей, повторяющиеся с периодичностью в один день, – привстав, произнес его помощник, – говорят о том, что оборудование в кондитерском цехе никуда не годно, а также, сколько денег затрачено бессмысленно.

– Так что? – Навис над управляющим Георгий. – Не этот ли вопрос вызвал нешуточный спор между технологом и инженером по оборудованию?

Гринин предпочел промолчать.

– Получила ли технолог расчет?

– Нет, – выдавил Виктор Андреевич.

– Тогда найдите ее и верните на рабочее место, пока у Вас вообще не прекратился выход продукции, – приказал Георгий, прежде чем, повернулся к нему спиной, чтобы направится к столу Кирилла.

Управляющий только взялся за трубку, чтобы позвонить в бухгалтерию, как снова прозвучал голос Георгия, так что он даже вздрогнул.

– Кстати, а когда это Вы, шустрый наш, успели обстричь это дело? Как я помню, весь день в пятницу мы были заняты осмотром цеха и изучением документов.

– Это произошло после Вашего ухода, – решил не затягивать в этот раз с объяснением Виктор Андреевич.

Георгий вспомнил, как они с Кириллом столкнулись в коридоре с высокой стройной женщиной лет тридцати-сорока. Кажется, она спешила в кабинет управляющего. Вспомнил он также и ее взгляд голубых глаз, полыхнувший презрением на реплику помощника. Если эта и была уволенный в последствии технолог, то, судя по ее поведению при встрече с ними, она знала себе цену.

– Как ее зовут и опишите внешность, – попросил он, чтобы утвердиться в своем предположении.

– Марина Владимировна Милонова. Высокая, как жердь, язва, с голубыми глазами и прической напоминающей воронье гнездо, – со злостью высказался Гринин, понимая, что после этого проступка недолго ему уже цепляться за кресло управляющего.

Георгий, в удивлении приподняв бровь, кривя губы, дослушал язвительное описание женщины управляющим, из-за которой ему прилично досталось, и громко расхохотался.

– Отлично! Вы я смотрю, не жалуете женский пол, – с сарказмом констатировал он.

Виктор Андреевич с настороженностью слегка кивнул головой.

– Ну, так это Ваши личные проблемы, – зарычал на него новый хозяин, – и прошу никогда не смешивать их с бизнесом. Дама давала Вам правильные советы, и я хотел бы видеть эту женщину здесь, сумевшую сделать замечание таким самоуверенным самцам, как Вы и Ваш инженер. Будьте добры, пригласите его и расспросите, как это у него получилось, что он ни разу не соизволил написать Вам докладную о состоянии печей. Боялся, что техотдел распустят, с появлением новых печей, так как нечего будет ремонтировать?

Усевшись рядом с Кириллом, Георгий уткнулся взглядом в документы. Но он только делал вид, что изучает их, а сам внимательно прислушивался к разговору Гринина, который тот вел по телефону. Первый звонок управляющий сделал в бухгалтерию и поинтересовался, не приходила ли за деньгами Милонова. Прозвучавший облегченный вздох Гринина, дал понять Георгию, что женщину еще не рассчитали.

– Нина Валерьевна, как только появится Марина Владимировна, направьте ее ко мне. Нет, деньги не выдавать! Никакого расчета!

Нажав на рычажок аппарата, он набрал другой номер.

– Валентин Павлович, зайдите ко мне, – и бросил трубку.

«М-да, с персоной нон грата можно и не церемониться, – усмехнулся Георгий, – прав был Кирилл, устранить надо было Гринина от должности еще вчера, и профессионал-технолог работал бы сейчас и приносил прибыль предприятию. А так, на сегодняшний день еще одна головная боль и новые убытки».

Через пять минут после появления в кабинете Михалюка головная боль стала еще сильнее. Выяснилось, что на пять печей приходится три слесаря.

– За счет зарплаты двух слесарей можно было бы в течение года приобрести две новые печи, – шепнул Кирилл Георгию, который со скучающим видом следил за разносом инженера.

Тот со смиренным видом слушал начальство и периодически поддакивал ему со словами: «Ваша правда, Ваша правда, приму к сведению, больше это не повторится». Так что минут через десять этот спектакль так опостылел Георгию, что он уже хотел крикнуть, прекратите балаган и оба вон за расчетом, но открылась дверь в кабинет управляющего, и прозвучал вопрос, заданный возмущенным женским голосом:

– По какому праву Вы приказали мне не выдавать деньги? По вашему мнению, я, что балду гоняла четыре недели в горячем цехе, как Ваш любимый инженер по оборудованию?

Гробо́вая тишина была ей ответом.

Гринин озадаченно посмотрел на Георгия. Тот пожал плечами: «Вы заварили эту кашу, Вам и расхлебывать».

– Марина Владимировна, забудьте наш последний разговор. Мы рады сообщить, что Вы успешно выдержали испытательный срок, и достойны, занять должность технолога в кондитерском цехе. А сейчас, идите в отдел кадров, подпишите договор, – договорил он, поглядывая на нее с покровительственным высокомерием.

– Вы что..., – не отрывая от его лица ошеломленный взгляд, произнесла женщина, и замолчала.

Глава 4

– Вы что, – повторила Марина, приходя в себя от неожиданного предложения, – за сумасшедшую меня принимаете? – спросила она с гневом, разглядывая Гринина и Михалюка. – Чтобы я работала на Вашем допотопном оборудовании, а потом получала выговоры за непрофессионализм? Вот уж увольте меня, я еще не совсем ума лишилась. Так что, будьте добры распорядиться, Виктор Андреевич, выдать мне расчет! До свидания, Валентин Павлович, – кивнула она головой инженеру, с которого и началась эта злополучная история ее увольнения. – Надеюсь, выходные Вы отлично провели с женщинами без эмоций? – с сарказмом поинтересовалась она, и, оставшись довольной произведенным эффектом от ее слов, выразившимся в виде вытянутых лиц мужчин, она повернулась к двери.

«Лихо их она отбрила», – еле сдержав рвущийся наружу смех, подумал Георгий. Кирилл же и не попытался проявлять воспитанность.

Раздавшийся возле окна, то ли сдержанный мужской смех, то ли хрюканье заставило Марину резко обернуться. Из-за солнца ярко бившего в окно, она, войдя в кабинет, не заметила еще двоих мужчин, сидящих за компьютером. Кровь бросилась ей в лицо, а потом она подумала, а с чего бы ей смущаться. Она ведь больше здесь не собирается работать, и никогда не увидит ни одного из них. Выпрямив спину, она высокомерно проговорила:

– До свидания, господа! – и скорым шагом скрылась из их вида.

Георгий ткнул в бок помощника и показал на захлопнувшуюся дверь. «Хватит ржать, иди, лови и возвращай кадры, коль это старым пням не удастся». Кирилл понял его с одного взгляда, и, скинув по пути со стола пару папок, ринулся за женщиной.

– Постойте! – услышала Марина за спиной возглас, когда выходила из приемной в коридор, но не замедлила шаг. Ни к чему ей эти разговоры. Теперь ее судьба больше не зависит от приступов мужского настроения. – Ну, постойте же, как Вас там, Марина Владимировна! – настойчиво с досадой попросили ее, и она решила остановиться.

Молодой мужчина лет тридцати подлетел к ней. Его лицо показалось ей знакомым.

–

Меня зовут Кирилл Сергеевич. Я личный помощник Георгия Георгиевича, нового хозяина предприятия. Вернитесь на свое рабочее место, Вы не могли быть уволены лишь по приказу Гринина, и, по сути говоря, сегодняшний день можно засчитать Вам, как за прогул, – пошутил он, пытаясь снять с нее возникшее напряжение. Но его шутка вызвала прямо противоположное действие.

– Что за бред Вы несете? – вспылила Марина, уже давно невосприимчивая мужскому обаянию. Она уже без того потеряла десять минут, выслушивая вздор бывшего начальства, а сейчас еще этого красавчика. – Да видала, я... – начала она, но, опомнившись, что не стоит грубить даже таким людям, на которых у нее стойкая аллергия, круто развернулась и пошла вдоль по коридору.

– Да, постойте же, – догнав ее, схватил за локоть Кирилл Сергеевич. – Я просто пошутил. А Вы все не так поняли. Извините, коль для вашего слуха она прозвучала грубо.

– Руку уберите! – процедила Марина. – Вы меня задерживаете.

– Послушайте, – вспылil Кирилл. Он, личный помощник главного акционера крупнейшего холдинга по выпуску кондитерских и хлебобулочных изделий, уговаривает ее тут битый час, а она – женщина, к тому же не первой молодости, ломается, как красна девица на выданье. – Что Вы мните о себе? Вам предлагают просто вернуться на работу.

– Зачем? Чтобы вновь выслушивать непристойные предложения в ответ на рациональные по производству?

– Ах, вот оно в чем дело! – протянул Кирилл Сергеевич. – Тогда я могу Вам пообещать, что больше с этими пнями, вами не придется сталкиваться. С сегодняшнего дня все вопросы будут решаться лично мной и Георгием Георгиевичем. А с ним иметь дело одно удовольствие, – улыбаясь, сделал он комплимент своему боссу, имея в виду его деловые качества.

Но для слуха Марины оно прозвучало совсем в другой интерпретации.

– Удовольствие?! – воскликнула она.

– А что, нет? Он сразу понял, по данным и цифрам кондитерского отдела какова Ваша заслуга в этом вымирающем цехе.

– Правда? – растерянно спросила Марина, теряя свой гневный пыл. Она и не могла представить, что новый хозяин цеха сможет оценить ее труд за такой короткий срок.

– Ну, конечно же, – улыбнулся Кирилл. Славу Богу, эта женщина спрятала свои колючки, и когда она перестала злиться, заметил, что она не так уж стара и даже привлекательна. – Вам же будет намного приятнее общаться с человеком, ценящим ваш профессионализм.

– Да, конечно, – кивнула головой Марина. – Вы правы.

– Вот и прекрасно, – удовлетворенно проговорил Кирилл. – Пойдемте. Сейчас поговорите с Георгием Георгиевичем. Обсудите, какие проблемы производства Вас беспокоят. Он руководитель, что надо, все примет к сведению.

– Надеюсь, – улыбнулась Марина, не такой уж и противный этот красавчик. Но в данный момент ей уже надо было находиться совсем в другом месте, поэтому она не знала, как поступить.

А Кирилл довольный, что отлично выполнил возложенную на него миссию, уговорил спеца, и качество выпускаемых тортов снова будет на высоте, расслабился, положил ей на локоть руку и стал тянуть в сторону приемной.

– Вот Вы не пожалеете, что будете работать с Георгием Георгиевичем. Он мужик, что надо. Ну, Вы же видели его, и увидите, как воспримет Ваши предложения. Он всегда голосует «за», независимо от того, кто это предлагает, если это обернется прибылью для его бизнеса.

– Да, да, – согласилась Марина с отстраненной улыбкой на лице, но с места не сдвинулась. Все это конечно хорошо, что она снова востребована здесь. Но она повязана уже другими обязательствами, и ей давно бы надо находиться в другом месте.

Кирилл коротко рассмеялся, пытаясь расположить ее к себе и установить доверительные непринужденные отношения.

– Марина Владимировна, Вы не пожалеете, что останетесь работать на нового хозяина, – обаятельно улыбаясь, продолжал он уговаривать ее. – Здесь все будет по-другому. Ведь, что греха таить – даже простое общение с начальством на предприятии имеет большое значение в жизни каждого работника. Георгий Георгиевич всегда корректен с подчиненными. Да, я Вам скажу, его в устах даже непристойное предложение прозвучало бы пристойно. Хотя, вряд ли он делал бы такие предложения, как сделали Вам. Женщины и без того, от него без ума. Вот познакомьтесь поближе...

Но Марина, не дослушав до конца хвалебные речи в адрес нового начальства, со злостью вырвала руку и зашипела:

– Господи, да есть ли на земле хоть один мужчина, который не считал бы себя великим подарком для женщины, – и понеслась прочь от него.

Кирилл в замешательстве уставился в ее спину, но быстро пришел в себя.

– А Вы что себя такой не считаете? – крикнул он разозленный, – корчит из себя неизвестно кого, чертова...

– Кирилл, заткнись и вон отсюда. Марина Владимировна, остановитесь, – прозвучал хорошо поставленный мужской голос в приказном тоне.

И Марина не смогла его послушаться, проявив силу воли только в том, что осталась стоять на том месте, где он ее застал. Она замерла в ожидании того, или лучше сказать, кого она

должна увидеть, если обернется. Но звук шагов дал ей понять, что высокочтимое начальство само приближается к ней.

«И он был прав», – с тоской подумала Марина, когда мужчина, встав напротив нее, пристально взгляделся в ее лицо своими карими глазами. «Неправда, это неправда, такого быть не может, – упорно твердила она мысленно, выжидаясь разглядывая живой образ своего идеала, но когда он заговорил, она поняла, что ошибается». Может! Не перевелись на Руси Мужчины. Вот, именно так. Пишущиеся с большой буквы.

– Георгий Георгиевич Соболев, – представился он и сдержанным тоном продолжил, – простите моего помощника. Я приношу свои извинения и за его дерзость. Не могли бы Вы забыть весь тот бред, что пришлось услышать от Гринина и Кирилла, чтобы нам с вами было легче заново начать разговор о Вашей работе на моем предприятии?

– Не могу, – тихо произнесла Марина, находясь под впечатлением от него самого и его слов. Боже, как он корректен. Неужели такие мужчины бывают?

– Почему? – спросил Георгий, с интересом глядя на стоящую перед ним высокую женщину с яркими голубыми глазами и холодным взглядом. Судя по ее внешнему виду, нельзя сказать, что она ходила на работу из праздного интереса. – Если вас не устраивает зарплата, то обещаю, не пройдет и месяца, как увеличится объем продаж изделий, вместе с этим и зарплата работников.

«Господи, что это ты стоишь и мямлишь? – со злостью обратилась к себе Марина, – когда тебя уже заждались в магазине. Да, никогда, запомни никогда, тебе не найти идеала в жизни, также, как и то, что он будет с тобой. Так, что возьми в себя в руки и держись подальше от этого богатого Аполлона. Если ты растеряла свое красноречие за минуту знакомства с ним, то, что с тобой будет дальше?»

– Простите, это никак невозможно, – покачала головой она, поджав губы.

– Что? Увеличение зарплаты или работа у нас? – слегка приподняв брови, с добродушной иронией спросил он.

Она улыбнулась, а затем и вовсе рассмеялась.

– Что Вы? В Ваших деловых качествах у меня нет никаких сомнений. Ваш помощник хорошо просветил меня по этому поводу.

– Ох, уж этот Кирилл, – усмехнулся уголком рта Георгий, замечая, как преобразилось лицо его собеседницы после смеха. – Но ведь не это Вас напугало?

– Совсем наоборот! – воскликнула Марина, – меня бесит, когда энергичность людей направляется не в производственное русло, а... – и она замолчала, потому что высказать свое мнение о том, что мужики могут думать только тем местом, которое находится у них между ног, было бы неэтично.

Георгий хмыкнул.

– Догадываюсь, о чем Вы не смогли договорить вслух, – засунув руки в передние карманы брюк, и раскачиваясь с пятки на носок, произнес он. – А не кажется ли Вам, что это уж слишком так цинично судить о мужчинах в столь молодом возрасте?

Марина с небольшой растерянностью посмотрела на него. Вопрос был неожидан, обычно новых русских такие проблемы мало волнуют. Им бы успевать делать деньги.

– Вы понимаете, что это философский вопрос, и он никаким боком не относится к тому, чем я должна была бы заниматься в цехе? Это что опрос, допрос, интервью или простое проявление любознательности, чтобы потом вывести какую-то закономерность?

Георгий расхохотался, чем очень смутил женщину.

– Вы неподражаемы.

– Это достоинство или недостаток? – гордо подняв подбородок, спросила Марина. – Извините, если что не так. Но на всех не угодишь, – и она опустила взгляд вниз, когда заме-

тила, что его глаза смотрят на нее оценивающе. Увидев на его руках поблескивающие золотом часы, она опомнилась, что не для дискуссии сюда шла и торопливо сказала, – мне надо идти.

Но следующая реплика мужчины снова задержала ее.

– Скажите откровенно, – мгновенно стал серьезным Георгий, видя, что эту женщину ничто не может удержать здесь: ни материальный интерес, ни проявление его мужского внимания, – что заставляет Вас отказываться от работы на нашем предприятии?

– Сейчас уже ничего, – с легкой улыбкой ответила она. – Просто с субботы я работаю в другом месте, и связана новыми обязательствами. Вы дадите мне расчет или...

– Жаль, – бесстрастным тоном проговорил Георгий Георгиевич, глядя поверх ее головы задумчиво.

«Все имеет свою цену, – с сарказмом размышлял Георгий, – даже эта миловидная женщина, привлекавшая мое внимание своим независимым стойким характером. Она согласится вернуться, если я предложу сумму денег, превышающую ту, что она будет иметь в другом месте. Все имеет свою цену!»

«Жаль, – повторила про себя Марина, – интересно чего или кого? Меня или моих знаний для увеличения количества его денег?» Такое отношение не могло разочаровать ее и в душе она обрадовалась, что смогла вовремя устоять перед обаянием своего выдуманного идеала, не разрешила вновь размяться своему сердцу о несбыточном.

– Тысяча долларов Вас устроит?

Марина не сразу поняла, причем здесь столько денег. Но когда до нее дошел смысл вопроса, она с изумлением посмотрела на Георгия Георгиевича.

– Вы шутите? К чему вам это?

– Но ведь это Вас заставит остаться работать здесь? – самоуверенно спросил он.

– Вы сумасшедший! Труд технолога в одном цехе не стоит таких денег, или по крайней мере должен быть выпуск такого количества продукции, которым можно было бы завалить всю Башкирию.

– Знаю, но ведь это заставит Вас остаться, – не спрашивая, а констатируя как последующий факт, заявил он.

– Вы ошибаетесь!

– Отнюдь! Так «да»? – переступил он с пятки на носок и обратно.

Этот разговор, по мнению Марины, походил на диалог с психически ненормальным человеком с лицом интеллигента.

– Идите Вы к черту! – воскликнула она. Бесплатный сыр предлагают лишь в мышеловке.

И круто развернувшись, Марина стремглав понеслась от него.

Георгий с досадой посмотрел ей в след: «Мало предложил, черт, и все было бы, по моему!», но какая-то часть души не разделяла его цинизма. «Эта женщина не из тех, что ради денег пойдет на все».

А Марина раздраженная и разгневанная, только когда подняла руку, пытаясь поймать такси, вспомнила, что вообще-то приходила за расчетом, а не дискутировать с богатыми самодовольными «придурками», чтобы потом вновь разочароваться в своих мечтах. Великодушных принцев на белом коне не бывает, она убедилась в этом уже в который раз. Мужчины приносят одни проблемы и разочарования. Эту аксиому ей вдолбила жизнь в голову еще с детства, и твердое доказательство ее достоверности Марина получила, выйдя замуж. Эмоции захлестнули ее с головой и она невольно ушла в воспоминания.

Глава 5

– А это вот, Мариночке, – протягивая плитку шоколада, сказал Аркадий Валентинович.
– Спасибо, не надо, – засмущавшись и опустив глаза, прошептала двенадцатилетняя Маринка.

– Никакие отказы не принимаются, – улыбаясь, воскликнул он, насильно всовывая ей в руки шоколад, и спустя мгновение забыл о ней, переключив свое внимание на ее маму. – А это Вам, Нина Александровна, – вытащил он из пакета коробку конфет.

– Спасибо, – с царственным видом приняла подарок женщина, как должное, но когда увидела, что следом за конфетами из пакета извлекли бутылку водки, ее лицо вытянулось.

Марина попятилась, растерянно поглядывая на взрослых, сердце сжалось от недоброго предчувствия.

– А это отпраздновать наше знакомство, – пояснил радостно Аркадий Валентинович, сверкая масляными глазами и облизывая полные губы.

Губы Нины Александровны сжались в тонкую ниточку, но слова протеста не были произнесены, и Марина закрылась в спальне, чтобы не видеть горького разочарования на лице матери.

Семь лет назад в дорожной аварии погиб ее отец и мама, погоревав некоторое время, сделала вывод, что женщине в этой жизни не прожить без мужчины. Начались знакомства, поиск претендентов на роль мужа, но, увы, ее старания до сих пор не могли увенчаться успехом, потому что мужчины, с которыми она знакомилась, приходили к ней совсем за другим. Она искала опору, крепкое мужское плечо, а они лишь развлечение, женское тело, а некоторые и содержательницу.

Приход невысокого толстенького Аркадия Валентиновича, ничем не отличался от появления в их квартире других мужчин. Те же конфеты, сладкие улыбки и бутылка водки. Без дара пророчества можно было сказать, как пройдет и эта встреча.

Выпив водку, он как все, кто бывал у них, затянет песню, что его никто не любит и не понимает. Ее мама романтичная натура, не любившая пить, в ужасе будет молча наблюдать за поглощением водки, а он ее поведение воспримет на свой лад. «Вот Вы, Нина Александровна, – заявит он, глядя на нее уже осоловевшими глазами, – совсем другая. Внимательно слушаете меня, потому что понимаете». Следом за этим протянет руки к ней, чтобы обнять и приласкать ее, такую вот хорошую и понятливую. Ее попытки увернуться от пьяных объятий, примет, как скромность и это вызовет в нем восторг. Такие женщины ведь сейчас редки, по большей части они все шлюхи. Затем он станет, скоро объясняться в любви. Но его признание не будет стоить и ломаного гроша, потому что все это говориться для того, чтобы затащить ее в постель. Она начнет отбиваться от домогательства пьяного мужчины, а тот – злиться, что строишь из себя королеву, когда тут один великий человек – это я. В итоге все это закончится для нее плачевно. Этот человек может уйти, а может, добиться своего, вразрез ее желанию. Потом, когда он уйдет, будут слезы и причитания по неудавшейся судьбе, проклятия в адрес мужчин. Короче, все как обычно.

Это знала Марина, знала и ее мама. Но с упорством мазохистки, та продолжала знакомиться с противоположным полом и приглашать их к себе, невзирая на то, что последствия от этой встречи причиняют ей душевные и телесные мучения, а дочери переживания из-за ее страданий. Но Марине было еще не ведомо, что впереди ее ожидают еще большие проблемы и неприятности, связанные с присутствием в их доме мужчин.

Прошло два года, и из угловатой голенастой девчонки выросла стройная высокая девушка. Теперь за врученной шоколадкой ухажеры матери плотоядно окидывали ее взглядом, и стремились этим не ограничиться. Их руки, как бы невзначай обнимали ее, а сами в это

время прикасались к упругой девичьей груди. Марина в часы свиданий старалась вообще не быть дома, пережидала у подруг. Но она не учла одного – появление постоянного поклонника, постепенно ставшего сожителем матери. Вот тогда и начался в ее жизни настоящий ад, заключающийся в преследовании ее здоровым взрослым мужчиной, который годился в отцы. И пока не исполнилось семнадцать лет, и у нее не появилась возможность уйти из дома, в связи с поступлением в институт, жизнь Марины напоминала хроники из военных действий. В отсутствии матери отбивалась от приставаний ее любовника, а когда та была дома, вместе с ней держать оборону против ее пьяного сожителя, пытавшегося войти в квартиру.

Отъезд из дома стал самым счастливым моментом ее юности и, уходя на автобусную остановку с чемоданом в руке, она ни разу не оглянулась.

Учеба в институте на химико-технологическом факультете Марине, с ее энергичным характером и любознательным умом, давалась легко. Пять лет пролетели незаметно. Сдавала она студенческий билет с сожалением, потому что приходилось вступать во взрослую жизнь, где отношения между мужчинами и женщинами, чуть ли не превалировали над остальными человеческими нуждами. Если, будучи студенткой, она могла со смехом уйти от вопросов о личной жизни, заявляя, что она еще молода, чтобы связывать себя семейными узами, то работа на заводе по производству минеральных удобрений в должности инженера, заставила ее самое искать защиту в институте брака, чтобы отвязаться от назойливых приставаний мужчин с непристойными предложениями.

Ее мужем стал Виктор, работавшим рабочим в том же цехе, что и она,. Он был старше ее на пять лет, и главным критерием в решении выйти за него замуж, явилась сдержанность молодого мужчины. Он не пил, ни разу не позволил себе непристойных фривольных выражений в общении с ней и не дарил дурацких цветов и шоколада. Жизнь матери Марине с детства привила стойкую антипатию к конфетно-цветочному периоду и пьющим мужчинам.

Но сдержанности и внимания мужа к Марине хватило лишь на полгода. Как только выяснилось, что Марина беременна, почему-то он перестал относиться к ней предупредительно и вежливо. Изменения в его характере вызвали в ней лавину размышлений. Чаще всего она считала, что виной тому является она. Что-то она делает не так. Но все ее попытки угодить ему заканчивались ничем. Раздражение на нее в Вите только нарастало. Ни роль покорной жены, ни эмоциональной стервы, ни деловой женщины его не устраивало. Марина к родам выглядела измученной постоянным недовольством мужа, выражавшимся в словесных оскорблениях в ее адрес, а также жестким контролем над денежными средствами.

В последствии она сделает вывод, что рождение ребенка спасло ее от нервного перенапряжения. Пять дней, что она находилась в роддоме, дали ей набраться сил для дальнейшей жизни с человеком, который стал ее откровенно подавлять. Но Марина, испытывающая счастье от рождения сына, позабыла трудные моменты жизни с ним, и полагала, что Витя в связи с этим тоже должен измениться. Ведь теперь на него ложиться ответственность – вырастить и воспитать сына.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.